

Рѣчь Ивана Мелешка, какъ литературный памятникъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Неразработанность южно и западнорусской литературы стараго времени. — Рѣчь Мелешка — политическій памфлетъ XVI в. — Особенности списка гр. Сѣрковскаго въ польскомъ переводѣ Нѣмцевича и малорусскомъ Кулиша. — Переводъ „Рѣчи“ въ современный литературный языкъ. — Несообразности Рѣчи, какъ историческаго документа, доказывающія ея литературное происхожденіе. — Содержаніе. — Национальныя антипатіи. — Нѣмцы. — Поляки. — Бытовая сатира. — Одежда. — Пища. — Женщины. — Параллели изъ Іоанна Вишенскаго и думъ. — Языкъ. — Характерныя выраженія и слова. — Справки въ конституціяхъ варшавскаго сейма 1589 г. — Объ авторѣ и времени происхожденія Рѣчи Мелешки.

Старинная южнорусская литература изслѣдована очень мало. До сихъ поръ не сдѣлано простаго библиографическаго подсчета южнорусскихъ литературныхъ памятниковъ стараго времени, т. е. до Котляревскаго, съ котораго можно начинать новую литературу. Совсѣмъ не опредѣлены географическіе предѣлы старинной литературы, внутренняя связь памятниковъ, зависимость ихъ отъ литературъ западно-европейскихъ и польской, степень вліянія малорусской письменности на литературы сосѣднихъ народовъ. Вообще, трудно разобраться въ богатомъ и сложномъ литературномъ и культурномъ наслѣдствѣ, завѣщанномъ намъ предками въ памятникахъ литературы и народной словесности. Наиболѣе правильный путь для такого разбора — обстоятельное монографическое изслѣдованіе каждаго памятника, каждой пѣсни, въ широкой сравнительной обстановкѣ исторической и литературной. Для прочности научнаго зданія нужно подобрать по величинѣ каждый камень и положить его въ надлежащее мѣсто въ рядъ съ другими на крѣп-

комъ цементѣ. Прежде всего нужно опредѣлить количество матеріала, не вторгаясь въ сосѣднія области знанія, но и не оставляя въ нихъ того, что относится всецѣло, или въ значительной части, къ исторіи литературы.

Во 2 т. „Актовъ Юж. и Запад. Россіи“ (подъ № 158) издана „Рѣчь Ивана Мелешка, каштеляна смоленскаго, произнесенная имъ на варшавскомъ сеймѣ 1589 года въ присутствіи короля Сигизмунда III“. Н. И. Костомаровъ въ изслѣдованіи о южной Россіи конца XVI в. ¹⁾ пользовался этой рѣчью еще въ рукописи и сдѣлалъ нѣсколько извлеченій изъ нея для характеристики южнорусскаго общества конца XVI в. Историки литературы, наприм. проф. Огоновскій, о рѣчи Мелешка умалчиваютъ, вѣроятно, относя ее въ разрядъ „актовъ“, т. е. формально историческихъ памятниковъ, и съ такимъ значеніемъ формального документа Рѣчь Мелешка попала даже въ христоматіи. Въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы авторомъ рѣчи считать смоленскаго каштеляна Мелешка и видѣть въ ней сеймовую рѣчь 1589 г. Опираясь на конституціи варшавскаго сейма 1589 г. и прежде всего на самую „Рѣчь“, можно думать, что въ формѣ этой рѣчи мы имѣемъ чисто литературный памятникъ—политическій памфлетъ и бытовую сатиру конца XVI в., съ вымышленнымъ именемъ Мелешка, или историко-политическій апокрифъ, приписанный смоленскому каштеляну Мелешкѣ. Самое имя Мелешко и нынѣ часто встрѣчается въ фамиліальныхъ названіяхъ и уличныхъ кличкахъ въ значеніи пустомели.

Рѣчь И. Мелешка, какъ литературное произведеніе, ходила въ разныхъ рукописяхъ, съ дополненіями и сокращеніями, мѣстами совсѣмъ измѣнявшими смыслъ памятника. Такъ, списокъ рѣчи, изданный во II т. „Актовъ Ю. и З. Р.“, значительно отличается отъ списка гр. Сѣрковскаго, изданнаго въ переводѣ

¹⁾ См. „Историч. монографіи“ Костомарова III 195.

на польскій языкъ въ „Zbiór pamiętników o dawnej Polsce“ *Нѣмцевича* II 341—344, и перепечатаннаго въ переводѣ на малор. языкъ г. *Кулишомъ* въ „Основѣ“ 1862 VI 13—16 ¹⁾.

1) Главныя особенности слѣдующія:

1) Только за покойниковъ князевъ нашихъ (въ Актахъ Ю. и З. Рос. II № 158); у Нѣмцевича съ небольшою добавкою: „bo za nieboszczyków Wielkich Książąt naszym Litewskich (Нѣмцевичъ)“; бо за педожкиивъ великихъ князятъ нашихъ Литовскихъ (Кулишъ).

2) Правдою въ ротъ, якъ солию въ глаза кидывали. У Нѣмцевича добавлено „choć kto podgwił to z dobrej chęci“; въ пер. Кулиша „хоть кто и поглузье, то зъ добромъ мыслью“.

3) Што наше старшіе собрали—со стапу (?) зебраły—що стѣни (?) зобрали.

4) У Нѣмцевича пропущена фраза „того ничего въ люди личить“ (про Сигизмунда Августа).

5) Въ „Актахъ“ рѣчь Мелешко о нѣмцахъ темная; у Нѣмцевича и въ переводѣ Кулиша яснѣе и полнѣе: „a tu na coż patrzemy... na sztuki niemieckie, co oni broją, w jakich to sukniach chodzą, wiele mają groszy, grodów i dzierżaw, zmieszali się z nami, różnemi językami gadają, a wsie licho“...

6) Въ „Актахъ“ Мелешко хочеть такъ ударить ляха въ морду, чтобы король не слыхалъ; у Нѣмцевича—„żeby i król Jmci rozpał“, т. е. совсѣмъ противное.

7) Въ „Актахъ“ радные баламуты; у Нѣмцевича и Кулиша „ридни баламуты“.

8) Въ „Актахъ“ ходимъ какъ подваренные, бо ся ихъ боимо; у Нѣмцевича и Кулиша добавлено „правды не говоримо, а потакаемо похлибимми языками“.

9) вмѣсто „убравшися на високихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле“ у Нѣмцевича „wykradłszy się z gospody“; у Кулиша переведено въ этомъ случаѣ, какъ и въ многихъ другихъ, слишкомъ ужъ на польскій ладъ—„укравшися ізъ господо“.

10) „И такого чортополоха зъ нѣмцами выгнаты, што до насъ влѣзли противъ праву нашему“. Это мѣсто у Нѣмцевича и Кулиша передано совсѣмъ иначе: „Jabym mówił, czas tych to polaków z Niemcami powycinać od porucznika do rady, a co do nich wlażło przeciwko prawu naszemu odjąć od nich“—эго слытье и грозитье, въ козацкомъ духѣ XVII в.

11) Далѣе слѣдуетъ у Нѣмцевича дополнительная вставка: „starsze pokłyny (?) Smoleńskie, przedzierajcie oczy, lepiej o nich radzić jak o Infantach, bo te mistuczki, jak wlezą, to ich i żubtem nie wykorzystasz, jak pszczoł od miodu“; далѣе, какъ въ „Актахъ“—„але зарадно поговорились о разныхъ нашихъ интересахъ“; вмѣсто послѣдняго слова у Нѣмцевича „stratach“.

12) Мѣсто о часахъ передѣлано у Нѣмцевича такъ: „kupił zegarek... jakieś mu posłów wysyłali do Wilna, coż? nie długo kręcić zaczął złodziej zamorczyk; dobry to nasz pietuch, co nie chybnie o różności kurykajet“.

13) вмѣсто „гологузыхъ курей“ у Нѣмцевича „kałakuckie“, у Кулиша „Калакуцьски“. Что это—народная этимологія, или мѣстное названіе?

14) У Нѣмцевича и Кулиша рѣчь Мелешко о курахъ пополнена: „Smażyć różne ptaszki, owe torty z rodzynkami, migdałami, cymentem, bogato cukrowane“.

Списки рѣчи въ Актахъ и у Нѣмцевича представляютъ значительное различіе, что указываетъ на популярность рѣчи Мелешка въ старое время и на существованіе ея въ разныхъ редакціяхъ.

Малорусскій переводъ рѣчи Мелешка въ „Основѣ“, мѣстами очень мѣткій и выразительный, мѣстами слишкомъ теменъ по излишней, какъ сказано, близости къ польскому переводу Нѣмцевича; темныя мѣста памятника, а темныхъ мѣстъ въ немъ не мало, оставлены безъ объясненія, кромѣ одного выраженія (трубить въ кубокъ), поясненнаго выпиской изъ Гваньини.

Помѣщаемъ рѣчь Мелешка въ переводѣ на современный языкъ:

Наияснѣйшій милостивый король и любезные паны братья! Выѣхавъ изъ дому, я молилъ Бога, чтобы здоровымъ пріѣхать къ вамъ, здоровыми васъ увидѣть и привѣтствовать. Мнѣ пришлось засѣдать съ вами на сеймѣ, а я на такихъ сѣздахъ никогда не бывалъ и съ королемъ (у Нѣмц. королями) его милостью никогда не засѣдалъ; только за покойныхъ князей нашихъ (великихъ литовскихъ), которые королевали, что воеводами бывали (у Нѣмц. нѣтъ), такихъ разсужденій не бывало; попросту говорили, отъ чистаго сердца, политики не знали, а правдою прямо кидывали. Вскорѣ короли нѣмцевъ полюбили болѣе насъ, роздали нѣмцамъ, что собрали предки наши. Сигизмунда короля (Августа) и человѣкомъ считать не стоитъ; назвавшись ляхомъ, онъ разорилъ Подлясье и Волинь (у Н. отдалъ); дорога память Сигизмунда перваго, который нѣмцевъ,

15) Въ „Актахъ“ Мелешко совѣтуетъ женщинамъ, „штобы зъ нѣмцека заживали пльондрьки“, у Нѣмцевича, наоборотъ, „plunder nie używać“.

16) Въмѣсто цѣлованія руки у королевы Аннульки у Нѣмцевича совѣтъмъ другое: „ani Panni Urszuli, u Królowej Jmość, w gączkę nie pocałuje, jak inni młodzi senatorzykowie, niedziwujcie się Mości Panowie i bracia“. Послѣ этихъ словъ слѣдуетъ фраза, не существующая въ спискѣ, изданномъ въ „Актахъ“, именно.

17) „Wiek wiekiem to okazuje siwizna w brodzie, choć szart za rasem, kusi na piękne spojżenie“, въ пер. Кулиша: „внѣзъ викомъ: то огазуется свинна въ борода, хотъ чортъ за пдясомъ спокугуе на гарный поглядъ“—переводъ темный, по крайней близости къ польскому переводу Нѣмцевича. Смыслъ, повидимому, тотъ, что въ пословицѣ „сѣдина въ бороду, а чортъ въ ребро“.

какъ собакъ не любилъ и ляховъ очень не любилъ за ихъ хитрости, но сердечно любилъ Литву и нашу Русь, и въ его время жилось гораздо лучше, хотя и не ходили въ такихъ дорогихъ одеждахъ, а иные и безъ штановъ, какъ бернардины, гуляли, но за то сорочки до косточекъ и шапки до пояса (!) нашивали; дай Богъ дождать повторенія такого времени. Я самъ, когда одѣнусь по домашнему, то жена моя, пани Мстиславская, не можетъ насмотрѣться на меня и натѣшиться. Насмотрѣлся я, паны братья, на противныя нѣмецкія выдумки, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ ходять (далѣе у Нѣмц.: имѣютъ много денегъ, городовъ и государствъ), смѣшались съ нами и по-польски умѣютъ говорить и все лихое королямъ, панамъ и Рѣчи Посполитой совѣтуютъ и каламутять. А когда идетъ нѣмецъ или жена его выступаетъ, каблуками скрипитъ, шелеститъ и дорогими духами воняетъ. Когда же къ тебѣ пріѣдетъ паничикъ (у Н. *rogusznik*—смотритель, намѣстникъ, должностное лицо), потчивай его щедро, да и жену свою возлѣ него посади, а онъ сидитъ важно, какъ бѣсъ, махаетъ шапкой, женѣ шепчетъ и „въ лодонь скребетъ“ (у Н. „*skrobie po podzie*“, у Кулиша „моргае, мигае, шапку або бриль той перекрываетъ, скребе по нози“). Еслибъ такого чорта кулакомъ въ морду да въ зашей, да такъ чтобы король не слыхалъ (у Н. и К. „нехай бы и король его милость знавъ“). Тогда своей противной морды не поднималъ.—Помню я короля Генриха, который къ намъ изъ нѣмецкаго края, изъ-за моря пріѣхалъ; когда онъ увидѣлъ, что мы не даемъ ему воли, и что нѣмцы для него плохая опора, то, увидѣвъ, что не до шутокъ, тайно уѣхалъ въ свою сторону, за море удралъ.—По правдѣ сказать, не такъ виноватъ король, какъ эти совѣтники кривотолки (у Н. „*godne bałamuty*“), что сидятъ при немъ и крутятъ. Много тутъ есть такихъ, что хоть п наша кость, да собачимъ мясомъ обросла и воняетъ (у Н. нѣтъ этого мѣста); они то насъ дерутъ и за ихъ каверзами наши не поживятся (нѣтъ у Н.), Рѣчь Посполитую губятъ, и Вольнь съ Подлясьемъ пропали. Знаю, насъ такъ обошли, что ходимъ, какъ варенные, потому что ихъ боимся (у Н. „правды не говоримъ и поддакиваемъ льстиво“). А еслибъ такого чорта

кулакомъ въ морду, другой не мутить бы.—Отъ того еще много вреда, что держитъ поляковъ въ услуженіи: дай ему суконную одежду, корми его жирно, а службы не спрашивай.— Убравшись въ сапоги съ высокими каблуками, дыбаеть онъ къ дѣвкамъ да потягиваеть вино изъ большого кубка. Панъ за столъ—и слуга за столъ, ты за борщикъ, а слуга за толстый кусокъ мяса; ты за графинъ, а онъ за другой, а если плохо держишь, то и тотъ возьметъ изъ рукъ; только и смотритъ, какъ бы ты изъ дому ушелъ; тогда онъ тихонько приласкается къ женѣ; а такого чертополоха и нѣмцовъ выгнать (у Н. ляхивъ и нѣмцовъ вырубить къ намъ сверху до низу и отнять что отошло безъ основанія); они налѣзли беззаконно. Поговоривши о разныхъ нашихъ нуждахъ, нужно добавить и то, что и коней держи въ конюшняхъ, зимой и лѣтомъ корми ихъ овсомъ и сѣномъ, всякую ночь клади подстилку, держи для нихъ конюшаго поляка, конюшню и стремяннаго, а службы отъ нихъ не спрашивай, а когда ляхъ, какъ жеребецъ около дѣвокъ, что дрыгантъ (жеребецъ) около кобылъ, то поставь сторожами еще двухъ литвиновъ, но и самъ чортъ не усмотритъ за нимъ. И такая еще нелѣпость—случилось мнѣ купить въ Кіевѣ на толкучкѣ часы, далъ за нихъ три копы грошей, а какъ послалъ въ Вильну для поправки, то злодѣй заморщикъ запросилъ на пятаку копу. То ли дѣло наши часы—пѣтухъ, что каждую полуночь безъ ошибки кричитъ. И то очень большой вредъ, разводитъ гологузыхъ курей, варить ихъ съ разными приправами, печь птичекъ и торты съ изюмомъ, миндалемъ, очень сладкіе, а въ старину за мою память такихъ вкусовъ не было; вкусно ѣли гуску съ грибами, утку съ перцемъ, печонку съ лукомъ или чеснокомъ, а при хорошихъ средствахъ рисовую кашу съ шафраномъ. Вина венгерскаго не употребляли; пили мальвазію, медъ и водочку потягивали, и всегда имѣли деньги, строили стѣны и войны вели удачнѣй, чѣмъ ведутъ ихъ теперь. Не къ дѣлу еще то, что наши дамы ходятъ въ богатыхъ платьяхъ; ранѣе не бросали на нихъ большихъ денегъ, а (теперь) платье въ подолѣ прихватывается и движется, а слуги молодчики, какъ соколы, на ножки поглядываютъ, чтобы ущипнуть сладкаго мя-

са. Я совѣтовалъ бы нашимъ женамъ возвратиться къ старымъ закрытымъ козакинамъ со шурками сзади, да носить широкіе нѣмецкіе штаны; тогда онѣ не скрывали бы такъ скоро свои любовныя связи; а теперь хоть съ дубиной стой на сторожѣ и смотри во всѣ глаза, такого чорта не устережешь. О чемъ далѣе говорить не знаю и прошу только принимать и мой голосъ, сколько бы при королѣ ни было пановъ и сенаторовъ. Староства не имѣю, не схватилъ его, а правду сказалъ и королеву Анульку (у Н. Урсулу) въ ручку любезно поцѣловалъ, (у Н. не цѣловалъ), какъ сенаторы. Не только весь смоленскій, но и мозырскій уѣздъ долго разсуждалъ, кого бы наиболѣе разумнаго послать на сеймъ, и послали меня, человѣка извѣстнаго, и дай Богъ мнѣ изложить наши нужды передъ королемъ и панами. Сказалъ бы, кто изъ васъ лучше, безъ хитрости, а я на этомъ и замолчу“.

Рѣчь Мелешка носитъ всѣ слѣды литературнаго произведенія, вымысла, исторической мистификаціи, памфлета, сатиры, и въ то же время заключаетъ въ себѣ рядъ такихъ несообразностей, которыя сильно подрываютъ ея значеніе, какъ историческаго документа, акта.

Мелешко въ „рѣчи“ оказывается депутатомъ отъ Смоленска и Мозыря, городовъ, очень далеко отстоящихъ одинъ отъ другаго. Мозырь — нынѣ уѣздный городъ на югѣ Минской губ. и отъ смоленской губ. отдѣленъ обширной Могилевской губерніей.

Затѣмъ друдно допустить, чтобы въ такое сравнительно культурное въ Польшѣ время паны двухъ уѣздовъ, послѣ долгаго размышленія, остановились на Мелешкѣ, авторѣ такой своеобразной рѣчи. Могъ быть на сеймѣ и Мелешко, но рѣчь, вложенная въ его уста, недостойна депутатскаго его званія, не отвѣчаетъ его депутатскимъ полномочіямъ, вообще отличается апокрифическимъ характеромъ. Мелешко, какъ рисуется онъ въ рѣчи, ставитъ себя въ положеніе шута и, принижая себя, принижаетъ тотъ край, представителемъ котораго явился на сеймъ, то общество и ту старину, защиту и восхваленіе которыхъ онъ на себя принялъ. Насколько Мелешко теряетъ, какъ личность

и дѣтель, настолько онъ выигрываетъ, какъ литературный образъ. Въ рѣчи Мелешка выразились консервативное теченіе южнорусской мысли конца XVI ст., недовольство новшествами, оскорбленное національное самолюбіе, суровая и мѣстами циничная критика семейныхъ настроеній.

Мелешко не любитъ нѣмцевъ, бранить ихъ собаками и желаетъ изгнать ихъ изъ Малороссіи и Литвы. Эта ненависть Мелешка къ нѣмцамъ не мотивирована и, повидимому, не вполне отвѣчала народному настроенію. Въ думкахъ не обнаруживается вражды къ нѣмцамъ. Выходки Мелешка противъ нѣмцевъ имѣютъ за собой то историческое основаніе, что въ это время, вѣроятно, пришли изъ Германіи многія изъ тѣхъ новелль и повѣстей, которыя и до сихъ поръ существуютъ въ народѣ, наряду съ разными другими вліяніями въ области религиозныхъ вѣрованій, языка, образованности, промышленности и быта.

Мелешко терпѣть не можетъ ляховъ за ихъ хитрости и въ особенности за развратъ. Сомнительно, чтобы такой разность ляховъ можно было учинить на варшавскомъ сеймѣ въ присутствіи короля, сенаторовъ и пановъ. Враждебное отношеніе Мелешка къ полякамъ охватывало тогда почти всѣхъ его соплеменниковъ; это была вражда прежде всего національная, изъ оскорбленнаго чувства народнаго самолюбія, и затѣмъ вражда политическая, изъ-за нарушенія поляками политическихъ правъ и вольностей кжно и западно-руссавъ. Религіозная вражда въ рѣчи Мелешка не отразилась, хотя она уже волновала въ это время умы и сердца обоихъ народовъ. Въ рѣчи Мелешка прямо высказывается одна изъ главныхъ причинъ недовольства русскихъ—присоединеніе южнорусскихъ земель къ Коронѣ.

Въ рѣчи Мелешка, въ смыслѣ документальной ея подлинности, странными представляются слѣдующія мѣста жалобъ на поляковъ: рѣзкое осужденіе въ присутствіи короля одного изъ ближайшихъ его предшественниковъ, Сигизмунда Августа, съ заявленіемъ, что „короля того нечего въ людъ лычить“, осужденіе не совсѣмъ удобное и даже врядъ-ли возможное на вар-

шавскомъ сеймѣ. Затѣмъ, странными представляются жалобы на слугъ ляховъ, наполняющія рѣчь, жалобы очень сильныя. Кто же заставлялъ или могъ заставить смолянъ держать ляховъ въ услуженіи, если они такъ были дерзки и наглы, если обходились дорого хозяину, если даже женъ нужно было защищать отъ нихъ съ дубиной въ рукахъ. Подъ руками были слуги русскіе и литвины. Эти жалобы на слугъ, довольно странныя въ рѣчи депутата, вполне умѣстными окажутся, если на рѣчь смотрѣть, какъ на литературное произведеніе.

Авторъ „рѣчи“ могъ отнестись сурово къ умершему королю, когда другой южнорусскій писатель конца XVI в. Іоаннъ изъ Вишни допускалъ въ своихъ посланіяхъ колкости по адресу живаго короля Сигизмунда III. Предлагая православнымъ посылать къ королю достойныхъ лицъ для утвержденія ихъ епископами, Іоаннъ писалъ: „котораго если (король) не схочетъ вамъ подати и не послушаетъ васъ, узрите его (т. е. короля) скоро оглохнувши и онѣмевша...“ Такъ писать могъ Іоаннъ изъ зарубежнаго Аѳона; но не могъ такъ говорить Мелешко въ Варшавѣ.

И жалоба на слугъ поляковъ вполне оправдывается историческими обстоятельствами и подтверждается современными историческими и литературными памятниками и прежде всего многосодержательными сочиненіями Іоанна Вишенскаго: „Русинъ, бывшій благочестивый христіанинъ прежде и цѣломудрецъ, съ ляхи живущій нынѣ одѣтинѣль еси и раздѣлился.“ Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, обращаясь къ униатскимъ владыкамъ, которые жили, какъ и другіе крупные паны магнаты, говоритъ: „Ваши милости обнажаете изъ обороны кони, волы, овцы у бѣдныхъ подданныхъ, волочите дани пѣняжныя, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете и онихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните.. бѣдные подданные день и ночь на васъ трудяты и мучаты,—которыхъ кровь, силы и працы, и подвига выссавши, и нагихъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утрофинами и каразіями одѣваете, да красногладствомъ

тыхъ слуговинъ око накормите; а тие бѣдници подданные и простой сермяжки доброй, чимъ-бы наготу покрыти могли, не мають. Зъ ихъ пота мѣшки, полны грошми золотыми, талармы, полталарки, орты, четвертаки и потройники, напихаете, сумы докладаете, а тие бѣдници шеляга, за что соли купити, не мають.“

И такъ жалоба Мелешка на слугъ поляковъ вполне возможна, но не въ Варшавѣ среди поляковъ, а въ предѣлахъ юго-западной Руси, въ обращеніи къ самимъ русскимъ, слѣдовательно, опять таки въ рѣчи, какъ литературномъ обращеніи, въ родѣ сатирическихъ обличительныхъ посланій Іоанна Вишенскаго.

Цѣлительное или точнѣе оборонительное средство Мелешка „въ морду“ впоследствии широко практиковалось козаками и гайдамаками. Многія полемическія сочиненія по рѣзкости выражений отчасти отвѣчали этому оборонительному средству.

Центръ тяжести жалобъ Мелешка лежить въ нарушеніи супружеской вѣрности, и если Мелешко дѣйствительно говорилъ на сеймѣ въ томъ видѣ, какъ передаетъ его рѣчь сохранившійся актъ, то паны и сенаторы имѣли основаніе подумать, что самъ Мелешко пострадалъ отъ „любительной бредни.“ Въ двухъ мѣстахъ Мелешко говоритъ о посягательствахъ на цѣломудріе женщинъ, и мѣстами впадаетъ въ нѣсколько циничное настроеніе, напр., въ замѣчаніи, что „дворянинъ въ пожку загледаеть, штобъ где ущипнуть солодкаго мяса“ и далѣе въ совѣмъ уже фривольномъ выраженіи о плюндрикахъ. Вообще, авторъ рѣчи обнаруживаетъ замѣтную слабость къ „бѣложенкамъ;“ мѣста о женщинахъ отличаются литературнымъ характеромъ изложенія, плохо отвѣчающимъ депутатскому официальному положенію автора. Говоря о бѣложенкахъ, Мелешко выражаетъ мнѣнія и недовольства массы народной, и его рѣчь стоитъ въ прямой внутренней связи съ думами. Такъ, въ думѣ про угнетеніе поляками Украины (у Ант. и Драг. II 110):

То ще жъ то дхы,
Мостивіи паны,
По козакахъ, по мужикахъ поставили,

Да велѣу станцію вымышляли,
 Одѣ ихъ ключи поодбирали,
 Да стали надѣ ихъ домамы

Господаряты.

Хозяина на конюшню одсылае,
 А самъ зѣ его жоною на подушкахъ почивае,
 То козакъ або мужикъ изъ конюшни прихождае
 У квартиру поглядае,
 Ажъ ляхъ мостивый панъ, ище зѣ его жоною
 на подушкахъ почивае.

Малороссы всегда были чутки къ вопросамъ о женской чести, что въ новое время выразилось въ произведеніяхъ Квитки и Шевченка.

Въ своемъ недовольствѣ на измѣненія въ одеждѣ Мелешко сходится съ Іоанномъ Вишенскимъ. Мелешку противны новыя дорогія платья, въ особенности женскія, и онъ хвалитъ старый покрой и старую простоту. У Іоанна Вишенскаго франтовство и щегольство панское выражается въ низкомъ стриженіи волосъ: „обычай бо есть мірскимъ на облупленную голову подголенца выструганнаго, мыломъ вышарованнаго и вымаглеваннаго пильно смотрѣти и мыслью похотною блудити“. На голову надѣвали красивую шапку и ею кичились, „косичку или перце запявши“, „перекривляючи макгерку то на той, то на сей бокъ, шію напяливши, яко индійскій куръ“; разными одеждами себя украшали, имѣя ненасытную любовь „къ прелести пматя того, златоглаву или ядамашку, шкарлату и иншихъ суконъ“. Тутъ упоминается и „златоглавая делѣя“ и „алтембасовый копенякъ“, провадящіе въ адъ.

Очень любопытно у Мелешка осужденіе измѣненій въ пищѣ, „присмаковъ“, съ перечисленіемъ любимыхъ въ старину блюдъ и винъ: „гуски съ грибками“, „утки съ перчикомъ“, „печонки съ лукомъ“ и въ особенности „рисовой каши съ шафраномъ“. Въ этомъ пунктѣ Мелешко сходится съ Іоанномъ Вишенскимъ, и его рѣчь обнаруживаетъ большое сходство съ думами, что прямо указываетъ на рѣчь Мелешка, какъ на литературное произведеніе, воспроизводящее излюбленные въ старой Малороссіи мотивы общественнаго недовольства. У Іоанна Вишенскаго паны „въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчаныхъ целю-

хахъ родятся“. „Чрево ихъ сластолюбивое, поправки богато утворенные, трапеза сребро-полмисная“. Роскошь ихъ обнаруживается „во многихъ мисахъ, полмискахъ, приставкахъ черныхъ и сѣрыхъ, червонныхъ и бѣлыхъ юхахъ и многихъ скляницъ и келишкахъ, и винахъ-мушкателяхъ, малвазияхъ, алякѣнтахъ, ревулахъ, пивахъ розмантыхъ, въ барилахъ съ медами, барылкахъ съ винами, шкатулахъ съ флягами, наполненными виномъ, горѣлкою горко-дорогою, въ гордыхъ бадавѣяхъ (коняхъ): валахахъ, дрыгантахъ, ступакахъ, едноходникахъ, — колыскахъ, лектывахъ, брожевахъ, карытахъ (экипажахъ), въ обилии слугъ“. Обращаясь къ латино-уніатскимъ владыкамъ, Іоаннъ Вышенскій говоритъ: „зъ сихъ, на сироты церковныя и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіанъ наданныхъ, лупите и съ гумна стоги и абороги (рогатый скотъ) волочите; сами и съ своими слуговинами прекормлюетесь, оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сидячи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки принуцаные курите, пиво троякое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете; сами и съ гостями своими пресыщаете, а сироты церковныя алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволѣ рочного обходу удовлѣти не могутъ, съ дѣтьми ся стискаютъ (горюютъ), оброку собѣ уймуютъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлого урожаю дотягнетъ“!... „Нынѣ владыкове проклятіи фольварки собѣ починили зъ общихъ монастырей и мысливства (охотничьи своры) прекормлюютъ въ нихъ; съ тыхъ доходовъ, на богомольцы наданныхъ, дѣвкамъ своимъ вино (*въно*, приданое) готуютъ, сыны одѣвають, жоны украшаютъ, слуги умножаютъ, барвы (родъ ливрей) справуютъ, пріятелей обогащаютъ, кариты зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ“. Страстью къ роскоши и корыстолюбіемъ высшаго духовенства Іоаннъ Вышенскій объясняетъ его переходъ въ унію. Переходомъ въ унію оно считывало „прагнене ненасычное утолить“ относительно наполненія сундуковъ и удовлетворенія разныхъ похотей. Глубокимъ презрѣніемъ и негодованіемъ дышетъ въ одномъ посланіи Іоанна слѣдующее суровое порицаніе „лакомства несчастнаго“: „Подвигъ и борба есть жизнь тая (т. е. монашеская), которой

ты не знаешь; бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогаѣдъ; еще еси периноспаль, мягкоспаль, подушкоспаль; еще еси тѣлу угодникъ; еще еси тѣлолюбитель; еще еси кровопрагнитель; еще еси перцолубецъ, шафранолубецъ, имберолубецъ, к гвоздиколубецъ, кминолубецъ, цукролубецъ и другихъ брѣдень горько и сладколубецъ“.

По поводу „рыжовой каши съ шафраномъ“ Мелешка и „шафранелюбца“ Иоанна Вишенскаго кстати вспомнить здѣсь ироническій упрекъ пану Потоцкому въ думѣ про корсунскую битву (у Авт. и Драг. II 33):

Гей пане Потоцкий!

Чомъ у тебе и доси розумъ жиноцьвий?

Не вмивъ ты еси въ Камянскимъ Подильци пробувати,

Печенаго поросята, курци съ перцемъ та зъ шафраномъ уживати.

Видно, что рисовая каша съ шафраномъ считалась въ старой Малороссіи верхомъ роскоши, что шафранъ былъ въ большомъ употребленіи, гораздо большемъ, чѣмъ нынѣ, въ кулинарномъ искусствѣ стараго времени, и упоминаніе о немъ въ старинной литературѣ получило значеніе общаго типическаго мѣста.

По языку рѣчь Мелешка также весьма близко подходитъ къ литературнымъ произведеніямъ, мѣстами приближается даже къ думамъ.

Прежде всего бросается въ глаза склонность автора къ глагольной риемѣ: „пріѣхаль... огледалъ“, „на гетакихъ сѣздахъ никола не бывалъ и съ королемъ его милостью никола не засѣдалъ“ и др. Начало рѣчи носитъ характеръ полуриемованнаго литературнаго произведенія. Склонность къ риемѣ отглагольныхъ именъ существительныхъ обнаруживается въ сочиненіяхъ такого близкаго къ народу писателя, какъ Иоаннъ Вишенскій, напримѣръ: „Запевне вѣдайте, нехай васъ тое гордое дмухане и пышное фукане и широкословное блекотане, грозное розказанье и толстое отрыганье того вашего выкриканья, яко мы прелюбодѣйчищами быти бы мѣли отъ своей вѣры, не упе-

вняеть“. Любовь къ глагольной приемъ обнаруживается въ думяхъ, что уже отмѣчено въ „Мысляхъ“ *г. Житецкаго* стр. 4, 5.

Литературные приемы Мелешка, его эпитеты также вводятъ его рѣчь въ рядъ чисто литературныхъ памятниковъ. Отмѣтимъ сначала отдѣльныя мѣткія выраженія:

- 1) по просту правымъ сердцемъ говорили...
- 2) *правдою въ ротъ якъ солюю въ глаза кидывали...*

И такъ, правда у Мелешка на первомъ мѣстѣ—излюбленный приемъ старинной малорусской литературы, начиная отъ духовныхъ стиховъ объ исканіи правды до такого характернаго признанія Іоанна Вишенскаго: „а если-бы зась хто... на мене отъ зависти потварь сложити хотѣлъ, мовячи, яко доразливе и ущипливе въ томъ писаню мовить, на тое вамъ такъ отповѣмъ: научился отъ Христа истины безъ похлѣбства ложъ лжею, волка волкомъ, злодѣя злодѣемъ, разбойника разбойникомъ, дьявола дьяволомъ звати“. Выраженіе „правдою въ ротъ, якъ солюю въ глаза, кидывали“ вполне народное. Въ „Приказкахъ“ *Номиса* оно встрѣчается многократно: „ставъ мени силлю въ оци“ (№ 2762), „силъ тоби въ вичи, а каминь у груди“ (3835), „силъ тоби та печина“, „силъ тоби въ вичи, та печина въ зубы“ (8357).

- 3) „солодка память“ (историческая поминка);
 - 4) „щипнуть солодкаго мяса“ (относительно женщинъ);
 - 5) „черезъ скурку скрыпыть“ (скрипъ сапогъ);
 - 6) „на высокихъ подковкахъ до дѣвокъ дыбле“;
 - 7) „зъ великого кубка трубить“ (пьеть вино);
 - 8) „ляхъ, какъ жеребець, ржетъ коло дѣвокъ, какъ дрыгантъ коло кобылъ“;
 - 9) „любительную складывали бредню“;
 - 10) „въ лодонь скребеть“;
 - 11) „хоть съ рогатыною на вартѣ стой“;
 - 12) „ходили, какъ подваренные“;
 - 13) „медокъ и горилочку дзюбалы“;
 - 14) Король Генрихъ „за море скикнулъ“;
 - 15) „хотя наша костка, однакъ собачымъ мясомъ обросла“.
- Всѣ эти выраженія, очевидно, проникнуты насквозь жизнью, и многія изъ нихъ типичны, какъ литературные термины

или какъ синтаксическіе обороты старой рѣчи. Такъ, въ выраженіи „за море скикнулъ“ чувствуется еще въ старой южнорусской рѣчи XII вѣка; вспоминается Всеславъ Слова о Полку Игоревѣ, который „сочи волкомъ до Немичи съ Дудутокъ“. Выраженіе о человѣческой кости, обросшей собачьимъ мясомъ, также типичное, поговорочное, съ незначительнымъ видоизмѣненіемъ повторявшееся въ приложеніи къ разнымъ лицамъ, напр.—къ Адаму Киселю.

Выраженіе „*трубитъ съ кубка*“, какъ описательное для выраженія пьянства, встрѣчается у Гваньини, иностраннаго ротмистра при Стефанѣ Баторіи: „*Kiedyby temu szlachetnemu narodowi zbytek, pijanstwo i marnotrawstwo nie przeszkadzało wszystkimby niemal narody cnotą wrodzoną i spaniałością animuszu przechodził; ale ieden prze zdrowie drugiego, jako tego iest obyczaj pełniąc dzban by największy aż do dna wytrąbi, choćby tez to czasem było przeciw przyrodzeniu... ono zdrowia ich pozbawia*“... (Основа 1862 VI 14 примѣч.).

Выраженіе „*за море скикнулъ*“, повидимому, употреблено въ значеніи далеко, а съ такимъ значеніемъ выраженіе это встрѣчается еще въ Словѣ о Полку Игоревѣ и до сихъ поръ удержалось въ народныхъ пѣсняхъ.

Относительно лексическаго состава рѣчи Мелешка, любопытнаго во многихъ отношеніяхъ для филолога и историка быта, замѣтимъ лишь немногое:

Сентенциі въ смыслѣ тонкихъ политическихъ разсужденій противопоставляются простой правдивой рѣчи.

Людѣ, повидимому въ современномъ значеніи слова для обозначенія народа.

Наравица—*pagawica*, *pagawka*—часть штановъ ниже колѣнь, вообще штаны, иногда въ значеніи полосатыхъ длинныхъ штановъ (*Linde*, *Запневскій*).

Бернардины—монашескій орденъ, хорошо укоренившійся въ Польшѣ и Литвѣ, оказали много услугъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія (о чемъ подробно см. въ 6 т. Энциклоп. Словаря *Брокгауза и Ефрона*).

Бредня у Мелешка и Иоанна Вишенскаго въ значеніи ба-
ловства.

Штука—въ современномъ намъ малорусскомъ значеніи
слова—затѣи, выдумки.

Сукни перестыя—разноцвѣтныя, точнѣе состоящія изъ бѣ-
лаго и сѣраго цвѣтовъ. Нынѣ говорятъ въ харьковской губер.
„телиця перестая“, когда часть шерсти бѣлая, другая сѣрая.

Баламуты—въ современномъ значеніи слова, т. е. причи-
няющіе смуты, интриганы.

Пижмо—душистое вещество мускусъ, добываемое изъ пунка
средне-азиатскаго животнаго кабарги.

Шыбиньковаты—глагол. отъ шыбеникъ—висьльникъ, достой-
ный висьлицы, негодяй.

Заморцикъ—обычное въ XVI в. слово для обозначенія ино-
странца, встрѣчается въ постановленіяхъ варшавскаго сейма
1589 г., какъ синонимъ „*sudzoziemec*“ (*Wolumina legit* II 282).

Перекрывали—польск. *przekrywać*, прикрывать, защищать.

Хвалендышева (сукня)—голандское сукно, отъ *fein hollän-
disch*, отсюда малор. сл. галанци (штаны), о чемъ подробнѣе
см. въ моихъ „Культур. пережив.“. У Иоанна Вишенскаго по-
вторяется упрекъ въ одѣваніи слугъ „фалюндышами“.

Дрыманты—жеребцы, кони; въ стар. польск. выраженіи
„*казаłbym takowe dryganty, со okolo sudzych żon rżają rowa-
laszyc*“ (*Slownik Linde*), что очень близко къ выраженію Мелешка.

Годыинникъ—часы, польск. *godzinnik*; слово это встрѣчается
у польскаго проповѣдника конца XVI в. Скарги.

Тандеть—рынокъ, базарь, лоскутный рядъ, польск. *tandet—
handlarstwo starzuzna*, откуда *człowiek z tandety*—ничтожный че-
ловѣкъ (*Linde*).

Малмазія—мальвазія, вино изъ подъ г. Мальвазіи въ Мо-
реѣ и изъ Кандіи. Въ *volum leg.* говорится, что „*małmazyi we
Lwowie zawsze wielki dostatek bywał*“. (*Linde*).

Португале (или фортугале)—монеты и медали въ 3, 7, 10
и болѣе червонцевъ (подроб. см. у *Linde*).

Плюндырки—штаны, *szeroke buchaste worowate spodnie
Pomphosen* (*Linde*).

„Въ морду—въ современномъ намъ значеніи, встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ, чаще всего въ пѣсняхъ про сестру отравительницу (см. *Кіев. Стар.* 1893 XI).

Капелюшъ—синонимъ шапки; то же въ старинной виршѣ: „зъ гыри знима капелюху“ (*Житецкій*, Мысли, 92); Кулишъ перевелъ словомъ „бриль“.

Въ заключеніе можно сдѣлать такія положенія:

Рѣчь Мелешка—подложный историческій документъ, приписанный смоленскому каштеляну Ивану Мелешкѣ, фамилія котораго оправдывала до нѣкоторой степени фривольный сатирической характеръ памятника.

Какъ историческій документъ, рѣчь Мелешка полна несообразностей; но эти несообразности теряютъ всякое значеніе, если на рѣчь смотрѣть, какъ на памятникъ литературный.

Мелешко не могъ бранить на варшавскомъ сеймѣ Сигизмунда Августа въ присутствіи короля, хотя и не родственника перваго; главное—не могъ быть депутатомъ отъ двухъ далеко отстоящихъ городовъ; затѣмъ онъ не могъ свободно бранить поляковъ въ собраніи, состоявшемъ въ подавляющемъ большинствѣ изъ гордыхъ, самолюбивыхъ польскихъ вельможъ, не могъ обращаться къ русскимъ нанамъ, гдѣ таковыхъ было немного, и къ ихъ женамъ, которыхъ на сеймѣ совсѣмъ не было, не могъ наконецъ, не нарушая своего депутатскаго достоинства, надѣвать на себя шутовскую маску. Другое дѣло, если памятникъ возникъ, какъ мы думаемъ, вдали отъ короля и Варшавы, въ Бѣлоруссіи, можетъ быть, въ смоленской или мозырской области, о которыхъ упоминается въ рѣчи. Авторъ могъ тогда сохранить полную свободу и дать своей сатирѣ на современное ему общество какое ему было угодно направленіе, и онъ мѣтко избралъ путь народнаго юмора, съ искусственнымъ самоуниженіемъ, съ тенденціозно-преувеличеннымъ противопоставленіемъ старины непріятной ему новинѣ.

Рѣчь Мелешка, какъ политическая и общественная сатира, представляетъ большой интересъ. Она является предшественницей посланій Іоанна Вишенскаго и малорусскихъ народныхъ думъ про польскія притѣсненія и сплетается съ ними по со-

держанію и языку. Какъ бы то ни было, въ силу своего собственного содержанія и въ силу своихъ связей съ такими крупными памятниками старины, какъ посланія Іоанна Вишенскаго и думы, рѣчь Ивана Мелешка должна занять прочное положеніе въ исторіи южно и западно-русской литературы XVI. в.

Анонимный политическій памфлетъ, подъ названіемъ рѣчи Мелешка, не единственное явленіе въ старинной малорусской литературѣ; бывали и другія, напр.: знаменитое письмо запорожцевъ къ турецкому султану, также ошибочно принимаемое за историческій документъ,¹⁾ письмо послужившее И. Е. Рѣпину сюжетомъ для знаменитой картины.

Изъ западно-европейскихъ и византійскихъ апалогій выдаются сказанія объ индійскомъ царствѣ и богатствѣ его царя—попа Ивана и мнимое посланіе англійскихъ лордовъ къ папѣ Урбану эпохи Виклефа.

Естественно возникаютъ вопросы, не отразилась ли въ конституціяхъ варшавскаго сейма 1589 г. рѣчь Мелешка и его дѣятельность въ духѣ этой рѣчи? Конституціи этого сейма изданы въ 2 т. *Volamina legit* (петерб. изд. 1859 г.) на стр. 277—292 въ числѣ 115 параграфовъ, и ни малѣйшаго указація на Мелешка здѣсь нѣтъ. Изъ поставленій сейма, на рѣшеніе которыхъ могъ вліять мозырскій и смоленскій депутатъ, можно отмѣтить лишь два-три общаго характера, напр. § 61 (объ огражденіи купцовъ отъ насилій), § 80 (противъ притѣсненій народа солдатскими постоями) и одно или два частныхъ, напр. § 91 (о разграниченіи мозырскаго повѣта и кіевскаго воеводства).

Время составленія „Рѣчи“ и автора ея опредѣлить въ точности невозможно. Полагаемъ, что Рѣчь написана вскорѣ послѣ сейма, въ 1589 или въ ближайшіе къ нему годы, лицомъ, которому извѣстны уже были постановленія сейма и которое, можетъ быть, присутствовало на сеймѣ. Въ спискѣ гр. Сѣрковскаго упоминаются мимоходомъ и неясно Инфлянты, причемъ

¹⁾ Н. И. Костомаровъ въ Рус. Стар. 1872 г. и въ послѣднее время Д. И. Эварницкій въ „Очеркахъ исторіи запорож. козаковъ и Новорос. края“, стр. 68.

Меленко высказываетъ мнѣніе, что лучше было бы сейму заняться смоленскими дѣлами, чѣмъ лифляндскими. Сеймъ дѣйствительно посвятилъ много времени разсмотрѣнію лифляндскихъ дѣлъ. Къ Лифляндіи относится первая 22 конституція, къ Смоленской области—ни одной. Русскому патриоту, автору „Рѣчи“, бросилась въ глаза эта подробность.

Въ конституціяхъ сейма одинъ параграфъ могъ побудить автора „Рѣчи“ высказать свою вражду къ мѣстнымъ нѣмецкимъ колонистамъ: постановленіе 33-ье „O cudzoziemciachъ zamorskichъ“, относившееся—и это могло особенно огорчить автора „Рѣчи“—къ прусскимъ польскимъ областямъ, буквально гласить слѣдующее: „Jż siła ludzi z zamorza cudzoziemcow do Prus się przyprowadziło, którzy ziemskich majątności nakupili, albo na takowe imiona i na zastawę dawali y dawają. A iż takowe ludzie przychodniowie nie są nobiles Regni et Terrarum conjunctarum: ustawiamy tą konstytucyą ninieyszą, aby ci zamorszczycy y cudzoziemcy, co majątności ziemskich nakupili do trzech lat powinni to poprzedać, pod utraceniem teyże majątności. A ktoby się takowy tego napotym ważył, zaraz in instanti y peniędzy y majątność ziemską tracic ma do skarbu Koronnego...“

Авторъ „Рѣчи“ по этой официальной канвѣ вывелъ свои литературные узоры въ приложеніи къ южной и западной Руси.

Н. О. Сумцовъ.

